

Я когда-то умру – мы когда-то всегда умираем, –
Как бы так угадать, чтоб не сам – чтобы в спину ножом:
Убиенных щадят, отпевают и балуют раем, –
Не скажу про живых, а покойников мы бережем

В грязь ударю лицом, завалюсь покрасивее набок
И ударит душа на ворованных клячах в галоп
В дивных райских садах наберу бледно-розовых яблок
Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб

Прискакали – гляжу – пред очами не райское что-то:
Неродящий пустырь и сплошное ничто – беспредел
И среди ничего возвышались литые ворота
И огромный этап у ворот на ворота глядел

Как ржанет коренной! Я смирил его ласковым словом
Да репьи из мочал еле выдрал и гриву заплел
Седовласый старик что-то долго возился с засовом –
И кряхтел и ворчал, и не смог отворить – и ушел

И огромный этап не издал ни единого стона
Лишь на корточки вдруг с онемевших колен пересел
Здесь малина, братва, – оглушило малиновым звоном!
Все вернулось на круг, и распятый над кругом висел

И апостол-старик – он над стражей кричал-комиссарил –
Он позвал кой-кого, и затеяли вновь отворять...
Кто-то палкой с винтом, поднатужась, об рельсу ударил –
И как ринулись все в распрекрасную ту благодать!

Я узнал старика по слезам на щеках его дряблых:
Это Пётр-старик – он апостол, а я остолоп
Вот и кущи-сады, в коих прорва мороженных яблок...
Но сады сторожат и стреляют без промаха в лоб

Всем нам блага подай, да и много ли требовал я благ?!
Мне – чтоб были друзья, да жена – чтобы пала на гроб
Ну, а я уж для них наворую бессемечных яблок...
Жаль, сады сторожат и стреляют без промаха в лоб

В онемевших руках свечи плавились, как в канделябрах
А тем временем я снова поднял лошадок в галоп
Я набрал, я натряс этих самых бессемечных яблок –
И за это меня застрелили без промаха в лоб

И погнал я коней прочь от мест этих гиблых и зяблых
Кони – головы вверх, но и я закусил удила
Вдоль обрыва с кнутом по-над пропастью пазуху яблок
Я тебе привезу – ты меня и из рая ждала!
Я тебе привезу – ты меня и из рая ждала!